

•
Ретро-детективы
Антон ЧИЖА
•

АНТОН
ЧИЖ

ХОЛОДНЫЕ
СЕРДЦА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *А. Дурасова*

Чиж, Антон.

Ч-59 Холодные сердца / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-208690-8

Черета зверских убийств сотрясла уездный Сестрорецк: кто-то с особой жестокостью изуродовал трупы жертв, вырвав им сердца. Местная полиция в шоке, приходится звать на помощь столичного сыщика Родиона Ванзарова, уже успевшего снискать себе славу гения расследований.

Красавцу и умнице Ванзарову предстоит окунуться в пучину мелодраматических страстей и вычислить хладнокровного убийцу в среде самых уважаемых жителей города...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208690-8

© Чиж А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

24 ноября одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года, когда морозы уже сковали голую землю, а снег присыпал ее мелкой крупой, дачный городок Сестрорецк был встревожен чрезвычайным происшествием.

Селение наше уездное устроилось на узком клочке меж Финским заливом и озером Разлив. С первыми майскими лучами оно наполняется шумной публикой из столицы и пустеет с сентябрьскими ветрами, погружаясь в дрему до весны.

Совершая утренний обход по прибрежной полосе, городской Шемякин обнаружил разодранную тряпицу. Быть может, он не обратил бы внимания на посторонний мусор, какой в изобилии имеется в общественных местах. Ему не показалось странным, что вот так, посреди пляжа, валяется принадлежность дамского гардероба. Не поленившись поднять вещь, на ощупь из нового шевиота, какой не пускают на половые тряпки, Шемякин заметил на разодранной блузке следы грязно-бурого вещества, от которого пахло свежей кровью. Своему носу Шемякин привык доверять, как самому приставу.

Затолкав в карман шинели находку, чтобы представить начальству для дальнейшего выяснения, городской

тут же наткнулся на новый сюрприз: тряпичный куль словно комкали в спешке. Материал светлого шелка, какой идет на юбку, украшали пятна, как бы проступившие наружу. Служба в маленьком городке, в котором редко что случается, усыпляет полицейское чутье, но как выглядит материя, пропитанная кровью, Шемякин знал.

Присев на корточки, он с некоторым усилием растянул концы, прихваченные морозом. Внутри открылось нечто, по форме напоминавшее крупную сморщенную свеклу. Скорее из любопытства, чем по соображениям рассудка, Шемякин поддел ее пальцем. Овощ лениво перевернулся, открывая полые щупальца, торчащие пучком. Городовой нахмурился, соображая, что это могло быть, как вдруг мысль простая и точная ударила ему в лоб. Да так, что он чуть не свалился. И сразу отбросил находку, словно взял в руки дохлую кошку. Взяв себя в руки, Шемякин нашарил свисток, упорно не желавший прыгать в пальцы, и дал двойную трель. Что означало, несомненно, тревогу. Прибыло подкрепление в лице соседних постовых. Втроем они еще раз осмотрели находку, стараясь не приближаться к ней, и пришли к неизбежному выводу: в таком деле без станового пристава не обойтись. Один остался сторожить, а двое направились в участок. Шемякин тер платком замерзшие руки. Все казалось ему, что на несчастном пальце опять и опять проступают багровые следы. Было от чего прийти в трепет: не каждый день городской находит вырезанное сердце.

Прибывший становой пристав, ротмистр Недельский, тоже не желал прикасаться к находке. Он питал надежду, что сердце потеряли растяпы-санитары из нашего лазарета или мясник обронил коровьи внутренности. Но по

здравом размышлении понял, что надеяться на чудо не стоит. Уездный врач Асмус, вызванный в участок, куда доставили холодное сердце, подтвердил: безусловно, человеческое. И добавил, что в их заштатном лазарете не то что сердце вырезать — аппендицит удалить побоятся.

Признаки паники, охватившие полицейский участок, были подавлены строгим внушением пристава. Всем городовым в составе шестнадцати душ и двум чиновникам было приказано зашить рот суровой нитью и пикнуть не сметь, чтобы о происшествии не пронюхали жители города, а тем более репортеры из Петербурга. Их еще тут не хватало. В результате грозного внушения весь Сестрорецк через час судачил о невиданном событии.

Недельский учинил самый строгий розыск. Уже к вечеру было установлено: накануне барышня Анюкова вышла прогуляться и пропала. Юбка и блузка, показанные ее домохозяйке, были опознаны, после чего почтенная дама лишилась чувств. Барышня Анюкова была известна всему городу легким нравом и незатейливым поведением, но все-таки рамки приличия не переступала. Разве иногда называли ее за глаза... э-кх-м... но ведь и честную женщину порой обложат эдак ни за что ни про что.

Город и даже окрестности буквально перерыли снизу доверху. Но тело найти не удалось. Зато нашлись свидетели, которые видели, как Анюкова прогуливалась с чиновником в отставке Лапиным, известным пьяницей и бездельником, спускающим крохотную пенсию. Лапин был найден во дворе собственного дома в глубоком забытии. Разбудить его удалось только ведром ледяной воды. Когда же он продрал глаза, то слабо понимал, где находится и что происходит. Зато многое понял пристав. Одежду

Лапина покрывали пятна бурого цвета. При обыске во дворе обнаружили поварской нож в засохших потеках и прилипших частичках чего-то вроде человеческой плоти. Трудно найти улики, изобличающие так полно.

Лапина препроводили в участок и подвергли допросу. Он ничего не помнил — ни что делал прошлым вечером, ни где был, ни как оказался дома. Он даже не мог вспомнить, с кем встречался, и встречался ли вообще. Под напором Недельского злодей вспомнил, что собирался провести вечер в приятной компании с барышней. Но назвать ее решительно отказался. Когда же пристав прямо спросил, где спрятано тело несчастной Анюковой, чиновник непонимающе уставился на Недельского. Предъявленные улики вызвали у Лапина явные признаки ужаса. Он все повторял, что не может вспомнить из прошлого вечера ничего, никого не убивал и не представляет, куда делась барышня Анюкова. Запирательства не помогли. Задержанный был препровожден в окружной суд. Между тем проведенный анализ следов на его одежде однозначно определил, что она испачкана человеческой кровью.

Случившееся было изложено в судебном деле ярко. Повстречав Анюкову, Лапин предложил прогуляться. Веселая барышня согласилась. По причине холодной погоды Лапин достал бутылку спиртного и угостил жертву. Сам тоже принял изрядную дозу. После чего в сознании его произошло отчаянное помутнение. Отведя ее в глухое место, он зарезал несчастную. Этого показалось мало, и он вырезал сердце, после чего надежно спрятал тело. Свидетели признали нож и даже вспомнили, что Лапин любил с ним гулять, похваляясь и демонстрируя ловкость в метании.

Показания свидетелей и улики были изобличающими. Лапин не смог опровергнуть ни одно из доказательств, лишь плакал и уверял, что не мог убить живого человека.

Дело было рассмотрено вскоре. На процессе Лапин божился, рыдал и падал на колени. Присяжные сочли доказательства вескими, а нежелание преступника указать, где спрятал тело, — отягчающим вину. Врачебной экспертизой он был признан вменяемым и дееспособным, а значит, заслуживающим самого сурового наказания: десяти лет каторги. Какие и получил по приговору суда.

Голова нашего городка, милейший Фёкл Антонович, был чрезвычайно доволен таким успешным разрешением дела, которое смыло пятно с любимого Сестрорецка, хвалил пристава и городских. Только тело не нашли. Но об этом постарались забыть, как о мелком и неприятном недоразумении.

Еще с месяц бродили самые удивительные слухи. Но и они утихли под влиянием спокойной жизни и целебного морского воздуха. Кроме того, Недельский считал невозволительными любые разговоры, когда дело раскрыто и приговор вынесен. А тело не нашли — не так уж это и важно. Напрасно он так думал.

• ЧАСТЬ I

• 1 •

ПРЕДЕЛ СОМНЕНИЙ

Июнь в северных широтах — месяц проникновенный. Каждая травинка и листочек, замученные холодной весной, спешат вытянуться к солнцу, показав себя во всей красе. Небо отмылось от слякоти, сверкая брызгами искр на обозримом пространстве залива. Даже песок, простой песок, горит белым золотом, словно без него не будет настоящего лета.

В такой удивительный день, а точнее, раннее утро, когда голова пуста от радостных предчувствий, а птички щебечут по кустам, в начале Дубковской улицы появился молодой человек. Одет он был чисто, но вид имел довольно растрепанный, словно пришлось пережить ему нечто волнующее. Галстук сбился, верхняя пуговица воротника предательски расстегнулась, из-под жилетки торчал кончик сорочки — верх неприличия, а прическа была в полном беспорядке, словно волосы его взъерошили пятерней. Он разглядывал отдаленный конец улицы, которую следовало бы назвать широкой просекой, так обильно росли по обе стороны ее деревья и прочая зелень. Вдалеке, кроме зелени, решительно ничего не виделось. И только самый внимательный взгляд приметил бы лег-

кое облачко пыли, поднятое над сухой дорогой. Словно бричка проехала, оставив после себя исчезающий след. Молодой человек, укрываясь за густым орешником, упрямо разглядывал поворот, который дорога проделала среди деревьев.

Тяжко вздохнув, словно с души его свалился непомерный груз, он вынул карманные часы, нахмурился, что опоздает — а ему полагалось в это прекрасное утро спешить на службу, — и, выйдя из-за куста, торопливым шагом отправился в путь. Дойдя до перекрестка, где среди зелени виднелась дача с ажурными ставнями, он повернул направо. В этом не было ничего необычного, если бы короткая дорога к дому не лежала в противоположной стороне.

Дальнейший путь молодого человека представлял собой дугу, которая все дальше уводила его от истинной цели и лишь потом медленно приближала к ней. Попросту говоря, он кружил. Причем не забывал поминутно оглядываться, проверяя, нет ли за ним слежки. Где было возможно, держался вблизи заборчиков или прочих затененных мест, и вообще вел себя чрезвычайно странно. Так, что мог обратить на себя внимание городских. Но ему удалось избежать расспросов. Быть может, потому, что он заранее знал и обходил опасные перекрестки. Наконец он вышел на Парковую улицу, еще раз оглянулся, только тут заметил беспорядок в одежде, кое-как заправил рубашку и заторопился к домику, утопавшему среди зелени, как и все прочие строения по обе стороны дороги. Он уже взялся за калитку, когда за спиной раздался тихий голос.

— Возвращаетесь с ранней прогулки, месье Жарков?

Молодой человек, названный Жарковым, не показал признаков испуга, хоть и был застигнут врасплох. Напротив, лениво обернулся и смерил собеседника ироничным взглядом.

— Да и вы, как видно, ни свет ни заря поднялись, господин Усольцев.

Усольцев, взявшийся неизвестно откуда, ответил улыбкой, которую трудно было назвать приятной. Узкие губки скривились корявыми сучками, открыв в промежутке край сломанного зуба. Было в ней нечто крысиное. Не добавляла Усольцеву очарования и стрижка под короткий, как обувная щетка, ежик. Несмотря на погоду, одет он был в студенческий китель, с которого спорили золотые пуговицы, криво пришитые роговые. Воротник сорочки заносился до черной каемочки, небритая щетина торчала ржавыми иглами. Он так старательно рисовался неумным пролетарием, что за версту был виден маскарад.

Усольцев прислонился к заборчику, засунул руки в карманы штанов, заправленных в нечищенные сапоги, и сплюнул через щербинку.

— Как она, хороша штучка? Горячая?

Жарков принял не менее свободную позу: калитку распахнул, но гостя не пропустил, загордив проход.

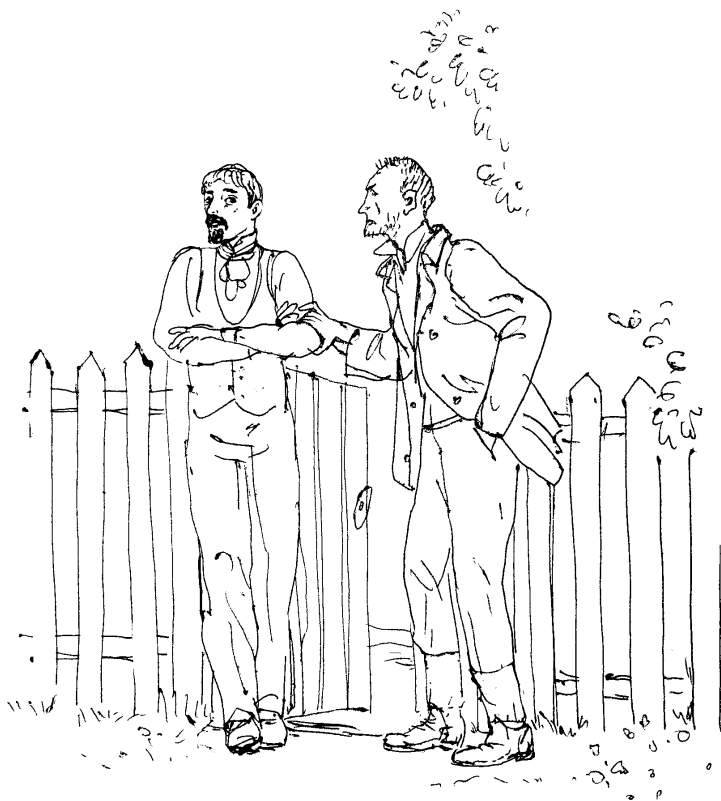
— Не понимаю, о чем ты.

Усольцев хмыкнул.

— Темнит! Секретничает! Тайны и заговоры... Ух!

— Извини, я не могу сейчас... Мне на службу...

— На службу! Вот оно! Всю ночь с любимой романтика под звездами, а как утро — на скучную службу бежим. Вот они — цепи общества, оковы капитализма, кандалы эксплуатации. Нет их крепче... Ну, ничего, близок час освобождения...

— Избавь меня от этого бреда, — Жарков двинулся, чтобы закрыть за собой калитку. Его поймали за локоток.

— Да что же обиделся? Я же по-дружески. Любовь — отличное развлечение. Когда другие дела устроены. Наиболее важные дела. Какие и вообразить себе нельзя. Разве не так?

Пальцы Усольцева худые, но держали клещами. Жарков вырвал руку.

— Чего ты хочешь от меня?

Стоять близко было нелегко, от Усольцева пованивало, запах нос пипал. Усольцев это знал и наблюдал с интересом. Даже придвинулся совсем уж приятельски. Жарков вида не подал, вызывающе скрестил руки на груди и огляделся. Улица, пронизанная солнцем, сонно нежилась в зелени.

— Кого-то опасаясь? Чувствуешь опасность?

Жарков натужно улыбнулся.

— Чего мне опасаться?

— Вот и я думаю: есть повод или мне только показалось? — Усольцев смотрел не мигая. Брови его, жидкие и рыжие, сдвинулись стрелками, — Усольцев предварительно перед зеркалом отрепетировал этот «пронзительный» взгляд...

Жарков опустил глаза.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Вот и хорошо, что не понимаешь. А то я было подумал... Мыслишки, знаешь, брат, всякие в голову заползают. Хочется быть уверенным в тех, с кем связал свою судьбу. Мы ведь как один кулак должны теперь держаться, вот так... — он сунул под нос Жаркову сухощавый кулачок с куриную лапку. — Только в единстве наша сила. Только так мы добьемся нашей цели...

— Вася, я на службу опоздаю...

— Ну, прости, прости, ты же у нас государственный человек. Служишь кровавому режиму, деньги от него получаешь, чины. А тут я со своими мечтами. Зачем думать, что народ страдает под тираном, нам бы на службу не опоздать. Местечко тепленькое. Жалованье. Карьера. И все такое прочее...

— Об этом поговорим в другой раз, хоть вечером, а сейчас...

— Как вам будет угодно, господин инженер Жарков. Не смею вас задерживать. Служение кровавому режиму не терпит суеты. Дисциплина и порядок. Только вот одно хотел у тебя спросить... Вы позволите?

Жарков покорно ожидал продолжения.

— Обещание свое не забыл? Слово твое крепко? Не рушимо? Как клятва?

Усольцев буравил Жаркова взглядом.

— Нет, не забыл, — ответил Жарков.

— Я могу быть в этом уверен?

— Сколько же можно...

— Просто ответь мне «да», как товарищ и друг...

— Да! Десять тысяч раз «да». Достаточно?

— Не кричи, Иван, что ты так. Еще, чего доброго, твоя домохозяйка услышит. Я же только спросил. Чего злишься... Вот и хорошо... Вот и славно...

— Извини, мне пора.

— Само собой! Только еще мгновение украду у тебя.

— Что еще?

— А то, друг мой и товарищ. Начнем сегодня вечером. Ты готов?

— Сегодня? Почему так рано? — спросил Жарков.

– Не твоего ума дело. Я хочу знать: ты готов? Ответ требую немедленно.

– Но ведь...

– Никаких больше «но», Жарков, не осталось. Теперь только так вопрос ставим: или дело, или предательство. Как ты?

Тишину улицы нарушил бой часов. Уже девять. А то и четверть десятого. Совсем беда.

– Ладно, – Жарков двинулся было к дому, но ускользнуть не удалось. Усольцев держал цепко.

– Что у нас с тобой «ладно»?

– Устроим сегодня. Отпусти.

– Это твое верное слово?

– Да! Я обещаю! Этого достаточно?

Усольцев ослабил захват.

– Вот это товарищ! Вот это дело... Только, знаешь, чтобы слово твое держалось крепко... Я, конечно, целиком тебе доверяю, но мало ли что, вдруг какая ерунда случится. Так вот, чтобы воля твоя крепка была...

Усольцев вовремя замолчал, чтобы ожидание развязки было особенно мучительным. Жарков закусил губу, лишь бы не задать глупый вопрос. Наконец Усольцев не выдержал и улыбнулся.

– У меня память глубокая. Чего в ней только не найдется. Всякого найдется. Все помню и знаю. Если что... Ты меня хорошо понял? Как искреннего друга понял?

Жарков двинул калиткой, аж заборчик затрясло. Усольцев помахал ему вслед.

– Никуда не денется, – проговорил он и отправился прочь по Парковой улице.

В глубине Петербургской улицы, широкой и пустынной, возвышался одиноким зубом особняк в три этажа с колоннами в классическом стиле. Каменный дом принадлежал предводителю местного, хоть и малочисленного, дворянства, а заодно голове нашей управы господину Кротких. Фёкл Антонович оправдывал фамилию. Счастливого дожив до сорока лет и нажив приятную полноту, а также супругу и двух сыновей, он был доволен жизнью и не жалел сил на службе обществу: устроил чиновничье присутствие в своем доме, выделив для этого первый этаж и парадный вход. Хотя злые языки утверждали, что все это по лени, чтоб не ходить на службу, но чего не придумают в маленьком городке, какие сплетни не сочинят.

На самом деле Фёкл Антонович так пекся о благе горожан, что не мог потратить лишнюю государственную копейку на себя, а все только на благоустройство. То есть на благоустройство он тратил все лишние копейки, что оставались после удовлетворения нужд самого предводителя. Одних приемов надо дать не менее трех в год. Еще подарки и поздравления начальству уездному, не говоря о начальстве губернском. Понятно, что на тротуары или фонари оставалось не много. Фёкл Антонович кротко сносил эти неприятности, надеясь, что образуется как-нибудь. В свете грядущих великих событий вообще и наступивших белых ночей в частности освещение улиц могло и потерпеть. Ни одно дурное или тяжелое предчувствие не омрачало в это прекрасное утро кроткий ум Фёкла Антоновича.

Устроившись в своем саду, что разбит был позади особняка, предводитель рассматривал верхушки деревьев, вычерчивающие на небесной лазури причудливую

линию. Рука его застыла с чашкой, а на приятном, хоть и полноватом лице сложилось задумчивое выражение, словно Фёкла поразила мысль о несовершенстве бытия. И так эта мысль была глубока, что на лысеющем темечке выступил пот. Ни ветерок, ни солнечный зайчик, прыгнувший от самовара, не вывели предводителя из задумчивости.

Напротив него, за чайным столиком, расположился становой пристав. Шашка была отстегнута и засунута в удобную дырку плетеного кресла, рядом лежала фуражка, ворот мундира демократично расстегнут, а сам пристав занимался третьей чашкой чая с сахаром, причем куски не разламывал щипчиками, как должен был вести себя воспитанный офицер, а кромсал зубами не хуже тесака.

Надо сказать, что ротмистр Недельский не был типичным представителем полицейской власти. Был он худ, бледен, под глазами не сходили густые синяки, как у недоучившегося студента, голос высокий, почти бабий, а в характере имел излишнюю нервность, если не сказать щепотку придури. В городе более обширном, чем Сестрорецк, он наверняка прославился бы каким-нибудь лихим поступком. Но у нас разгуляться негде. Да и происшествий фактически не случалось.

Сергей Николаевич жаждал деятельности и только искал случая показать себя во всей красе. Скрытую энергию ощущал каждый, кому приходилось общаться с приставом. В городе его считали редким чудачком, хотя безобидным. При этом уважали, что взятков не брал и купцов не грабил. Начальник Недельского, полковник Колобнев, уездный пристав, старался держаться от своего подчиненного подальше, остерегаясь какой-нибудь

остроумной выходки, отчего заезжал в Сестрорецк лишь изредка. Предводитель же испытывал при нем смущение, но спрятаться было негде. Приходилось кротко терпеть.

Недельскому надоело затянувшееся молчание, и он грохнул чашкой по столу:

— Опять не слушаете!

Предводитель посадил на светлые брюки кляксу чая и застенчиво улыбнулся.

— Что вы, Сергей Николаевич, весь внимание.

— Что я только что сказал?

— Вы говорили о возможности... вероятности... чего-то там такого, угрожающего.

— Вот! — Указательный палец пристава, чуть дрожащий от напряжения, уткнулся меж глаз предводителя, если бы смог дотянуться. — Попались! Что я говорил! Да, что я говорил? А я говорил, что у меня есть верные сведения: у нас завелись флибустьеры!

— Да какие у нас могут быть флибустьеры, — сказал Фёкл Антонович. — Побойтесь бога, друг мой. Дачная местность, мирные обыватели.

Пристав замахал салфеткой, словно подавал сигнал бедствия.

— Слово напутал, а вы уже сразу и вцепились! Да, не флибустьеры, а как их... Эти... Ну же, на языке вертится...

— Тараканы? — подсказал председатель.

— Какие тараканы! — закричал пристав. — Вечно вы ерунду невпопад суете! Да как же они... Вот дохлая неясность...

Предводитель, наученный горьким опытом, знал, что Недельский в возбуждении изъясняется так, что словари можно выбросить. Лучше не мешать, иначе, чего доброго, совсем разойдется.

— Ах, вот же! — Пристав ткнул каблуком в кресло. Кресло повалилось, увлекая шашку с фуражкой на траву. — Карбонарии... Нет... Ах да! Якобинцы!

— Кто, простите? — переспросил Фёкл Антонович, не веря своим ушам.

Недельский был горд собой.

— Негодяи якобинцы! Конечно же! Ниспровергатели устоев!

— Сергей Николаевич, так вы о революционерах говорите?

— Да, о них, — охотно согласился пристав и мгновенно успокоился.

— Не стоит об этом волноваться. Отдыхать у нас могут даже революционеры, если не нарушают общественный порядок. Пусть ими охранка или жандармы занимаются. На худой конец, у нас пограничная стража имеется. А у вас пусть голова не болит.

— Вот именно: граница с Финляндией в двух верстах, хочу напомнить. А что это значит?

— Что это значит?

— А это значит, что они хотят уйти. Совершить террористический акт и уйти. Понимаете, как коварно задумано?

Предводитель понял одно: с приставом надо что-то делать. И чем скорее, тем лучше. Как можно называть Герцогство Финляндское за границей? Да, по Граничному ручью стоят два отряда пограничной стражи: Редягульский и Райяокский. Да, имеется сестрорецкая таможня. Но для чего это сделано? Только для спокойствия обывателей. Чтобы кто ни попадя не шатался в Финляндию. У них там, знаете... особое это... Но чтобы революцио-